

Литературная позиция-пост Иосифа Бродского и поэтическая практика русского модернизма

Literary Position“-Post” of Josef Brodsky and Poetic Practice of Russian Modernism

Сергей Николаевич Зотов
Таганрог, Россия

Абстракт:

Новая систематизация литературного процесса устанавливает взаимосвязь поэзии Бродского с поэтической практикой русского модернизма. Поэтическая личность эпохи заново открывает сущее и традицию, творит мир в очертаниях личной судьбы поэта. Позиция-пост Бродского нивелирует житнетворчество, акцентирует свободу поэта, частный смысл поэтического. Игровое отношение к традиции приводит к постоянному самоуничтожению поэтической личности, возникающей стихами в творимом ею пространстве языка-культуры. Литературная позиция-пост Бродского сообщает русской поэзии своеобразную завершенность и перспективу.

Ключевые слова:

литературная традиция; модернизм; поэтическая личность; самоопределение; интеллектуальное переживание; литературная позиция; житнетворчество; экзистенциальный смысл

Abstract:

The new systematization of literary process connects the poetry of Brodsky with poetic experience of Russian modernism poetry. Poetic personality recreates the existence and tradition, creates the world in the light of poet's life. Brodsky's position“-post” levels life-creating, accents poet's freedom and private meaning of poetry. Poet's playing attitude about tradition leads to constant self-destruction of poetic personality, which appears in cultural space. Brodsky's work in some way completes Russian poetic tradition.

Key words:

literary tradition; modernism; poetic personality; self-determination; intellectual experience; literary position; life-creating; existential meaning

1

Вопрос о месте И. Бродского в истории литературы связан с пониманием особенностей его литературной позиции. А. Генис утверждал, что поэзия Бродского представляет собой своеобразное завершение русского модернизма. О. Седакова констатировала: «Быть может... Бродский не столько завершает классическую эпоху поэзии как Последний Классик (общее место в разговорах о нем), то есть Последний Модернист — сколько стоит у начала новой, постмодернистской эпохи, которая после кризисов классического модернизма и классического авангарда вновь повернулась лицом к широкой публике?»¹. В статье делается попытка установить взаимосвязь поэзии Бродского с теоретизированием и поэтической практикой эпохи модернизма.

Ницше писал, что филология «стремится исследовать глубочайший инстинкт человека — инстинкт речи»². Это высказывание свидетельствует о надёжном — «естественном» — основании филологии и поэзии, о первостепенной значимости гуманитарной проблематики понимания бытия, человека, истории в противовес инструментально-социологическому и технологическому смыслу западной культуры («скудные времена», «ночь» культуры, по Хайдеггеру). Инстинкт укоренен в бытийном, обращён к нему, к полноте своего осуществления.

Поэтическая личность и сущее открываются во взаимо-действии. М. Хайдеггер пишет: «Но то, что пребывает, устанавливает поэты»³. «Поэт именуется богов и именуется вещи в том, что они суть... Благодаря этому названию Сущее впервые возводится к тому, что оно есть. Так оно становится известным как Сущее»⁴. Работа поэта созидательна, это открытие языка, обнаруживающего, творящего мир. Поэты именуют сущее в его сущности, и тем самым оно является, осуществляется. В этом заключён житнетворческий смысл поэзии. Как возникновение первых грамматических форм, согласно представлениям мифологической школы, сообщало миру человека единство метафорической связи вещей и явлений, так созидание поэтического языка во все эпохи открывало характер человеческого существования в непосредственной смысловой связи с природой и культурой. Но не только открытие сущего определяет поэзию: по Хайдеггеру, «Быть поэтом в скудные времена — значит, воспевая песнь, следовать за следами

-
- 1 SEDAKOVA, O.: *Končina Brodskogo*. «Literaturnoje obozrenije». № 3, 1996, с. 11–15. [online]. [cit. 12. 9. 2015]. <http://www.screen.ru/vadvad/Litoboz/os3.htm>.
 - 2 NICŠE, F.: *Filosofskaja proza: stichotvorenija: sbornik*. Minsk, 2000, с. 5, 6.
 - 3 CHAJDEGGER, M.: *Gel'derlin i suščnost' poëzii*. Logos. 1991. № 1, с. 41.
 - 4 CHAJDEGGER, M.: *Gel'derlin i suščnost' poëzii*. Logos. 1991. № 1, с. 42.

убежавших богов. Вот почему во времена ночи мира поэт скажет священное» («Wozu Dichter?»). М. Хайдеггер сосредоточен прежде всего на бытийном смысле поэтического, который он обнаруживает у особенных поэтов — Гёльдерлина и Рильке. Экзистенциальная интенция поэтического в данном случае не продумывается.

Поэт Борис Пастернак понимает М. Хайдеггера, но не способен к окончательному отчуждению бытийного смысла поэтического. Поэтической личности принадлежит житнетворческая инициатива, сотворение мира заново (претворение), благодаря которому и сам поэт является в качестве человека-творца, в этом заключается экзистенциальный смысл поэтического действия. Творчество у Пастернака отождествляется с апостольским служением (стихотворение «Не как люди, не еженедельно...»), поэт претерпевает жертвенную судьбу, подобно Иисусу («Гамлет»). Смысл существования человека-поэта — обретение связи с миром (сущим) в его полноте и тем самым — поэтическое открытие «правды жизни», которая последней необходима:

*Всю жизнь я быть хотел, как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нитья,
Он хочет быть как я.*

Б. Пастернак. «Высокая болезнь»⁵.

Такой человек сознает ответственность за собственное существование в изменяемом им мире. Тут снова доминирует житнетворчество. «Я» здесь активно, от него требуется определенным образом *быть*, придавая обстоятельствам собственной жизни качество заново осмысленной культурной традиции: индивидуальный опыт есть, в соответствии с мыслью Ницше, «вечное возвращение того же самого» на почве «переоценки всех ценностей». Так возникает смысл новой эпохи культуры.

«Правда жизни» дана человеку творцу в особенном его состоянии: «Я больше всего на свете... люблю правду жизни в том её виде, какой она на одно мгновение *естественно* принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть»⁶. Только в состоянии такого вдохновенного интеллектуального переживания мира человек обретает полноту собственных творческих возможностей, укореняется в бытии — *с-бывается*.

Благодаря поэтической личности эпохи модернизма заново открывается подлинность сущего, высокий замысел Творца как бы претворяется, обретает

5 PASTERNAK, B.: *Stichotvorenija i poëmy: V 2-ch t.* T. 1. Leningrad, 1990, c. 242.

6 CVETAJEVA, M., PASTERNAK, B.: *Duši načínajut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov.* Moskva, 2004, c. 17.

очертания личной судьбы поэта, постигающего смысл, воплощающего его в собственной повседневности. По Пастернаку, поэт и жизнь-история единосущны, а не противопоставлены:

*И я приму тебя, как упряжь,
Тех ради будущих безумств,
Что ты, как стих, меня зазубришь,
Как быть, запомнишь наизусть.*

Б. Пастернак. «Волны», 1931⁷.

В этих строках речь идет о строящейся Москве, о новой жизни: «открытая» поэтически, жизнь узнаёт себя, свои собственные возможности и перспективы и вторит поэту. Так поэтическая личность эпохи модернизма осуществляется в качестве героя культуры, явившегося с помощью стихов, возвращающих миру его изначальный смысл. Такая экзистенциальная диалектика определяет в самом общем виде поэтическую практику модернизма⁸.

Позиция-пост Бродского⁹ нивелирует житнетворчество, акцентирует свободу поэта, экзистенциально-личностный, частный смысл поэтического в пространстве культуры-языка.

«Поэт... есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он — тот, кем язык жив»¹⁰. В критике часто подчеркивают осознанную Бродским «инструментальность» поэта, признание «диктата языка», упрощая его литературную позицию. Однако парадокс мысли о поэте и языке заключается в отождествлении средства и цели: Бродский знает, что язык говорит поэтом, но также знает, что только поэтом язык жив — такова новая экзистенциальная формула поэзии-культуры. Цель существования языка — создание нового поэта/читателя, способного придать актуальность этому существованию. Посредством поэта язык всегда свидетельствует о человечности, сообщает поэту-индивидууму, и только ему одному, особенную остроту культурного существования, дает возможность осуществиться смыслу литературной традиции.

О. Седакова пишет об отношении Бродского к языку: «Без преувеличения можно сказать, что поэзия — его святыня в той же мере, в какой она была

7 PASTERNAK, B.: *Stichotvorenija i poëmy: V 2-ch t. T. 1.* Leningrad, 1990, c. 342.

8 См. об этом подробнее: ZOTOV, S. N.: *Poëtičeskaja praktika russkogo modernizma (osnovy ekzistencial'noj issledovatel'skoj praktiki). Učebnoje posobije.* Taganrog, 2013, c. 9–19.

9 См. об этом: ZOTOV, S. N.: *Chudožestvenno prostranstvo — mir Lermontova.* Taganrog, 2001, c. 67–76.

10 BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodskogo. Tom I.* Sankt-Peterburg, 1997, c. 15.

«священной жертвой» для Пушкина»¹¹. Можно сказать, что язык у Бродского — сверхличная творящая сила, подобная божественной. Однако Бродский не поддается покоряющей убедительности, «власти языка», принципиально продумывает свою позицию. Р. Барт писал: «Если назвать свободой не только способность ускользать из-под любой власти, но также и прежде всего способность не подавлять кого бы то ни было, то это значит, что свобода возможна только вне языка»¹². Свобода во всех смыслах — абсолютная ценность для Бродского. Подобно писателю Р. Барта или А. Камю, Бродский постоянно ускользает от опредмечивающей, овеществляющей человека силы языка, которая может привести к «полному окаменению», то есть к утрате частности существования. Причастный творчески к целому мировой литературной традиции — от Гомера до Одена, до собственной современности — Бродский силою притяжения как бы движется в пространстве языка по собственной траектории, не останавливаясь на переживании возникающих смыслов, почти не вслушиваясь в них, не позволяя себе «окаменеть» в качестве поэтической личности, обретая при этом власть. Однако именно звучание этого незавершаемого диалога сообщает поэту энергию движения, подлинность самоосуществления. Для Бродского несомненна ценностная содержательность языка-традиции, референтное отношение к культурным императивам, к человечности, но он уклоняется от утверждения этой ценности, от принятия полномочий властвования посредством языка, т. е. уклоняется от модернистской позиции жизнотворчества, его самоопределению свойственна сознаваемая, культивируемая неопределенность, незавершенность.

В автобиографическом эссе «Меньше единицы»¹³. Бродский по существу различает бытие и существование человека. В повседневности человек стремится «овладеть» собой, его цель стать «я» — **единицей**. Социальная определенность и идеологическая завершенность экзистенции лишают человека перспективы — открытости самоосуществления, стремления к бытию и возможности его при-бытия. Состояние «меньше единицы» означает для Бродского отказ от определенной социальной роли, принципиальную незавершенность общественной позиции.

В Нобелевской лекции похожим образом описано исключительно важное для Бродского отношение к поэтическим источникам собственного творчества. Перечисляя повлиявших на него поэтов двадцатого века, Бродский пишет:

11 SEDAKOVA, O.: *Končina Brodského*. «Literaturnoje obozrenije». № 3, 1996, с. 11–15. [online]. [cit. 12. 9. 2015]. <http://www.screen.ru/vadvad/Litoboz/os3.htm>.

12 BART, R.: *Izbrannyje raboty: Semiotika: Poëtika*. Moskva, 1989, с. 550.

13 BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodského. Tom V. Sankt-Peterburg*, 1999, с. 7–27.

«Эти тени смущают меня постоянно... В лучшие свои минуты я кажусь себе как бы их суммой — но всегда меньшей, чем любая из них в отдельности»¹⁴: «всегда меньшей» единицы не только по значимости достижений, но и в силу незавершенности собственного поэтического самоопределения. Любая из этих теней обладает властью, «способна обречь на абсолютную немоту»¹⁵. Посредством речи Бродский устремлен к бытию («язык — дом бытия», по Хайдеггеру), а не к совершенному поэтическому воплощению и/или власти. *Своеобразное игровое отношение к традиции приводит к постоянному самоуничтожению возникающей стихами поэтической личности.*

«На самом деле я всю жизнь относился к себе — и это главное! — прежде всего как к некоей метафизической единице, да? И главным образом меня интересовало, что с человеком, индивидуумом происходит в метафизическом плане. Стихи на самом-то деле продукт побочный, хотя всегда считается наоборот»¹⁶. Речь идет о первичности самоосуществления поэта, о существовании поэта благодаря сочинительству, но, парадоксальным образом, помимо стихов. Так совершается редукция двуединого смысла поэтического существования, который имел в виду Пастернак. Бродский совершенно покидает *чувственное воодушевление*, бывшее опорой для жизнотворчества эпохи модернизма (Пастернак, Цветаева и др.), погружается в «охлажденность» интеллектуального переживания одиночества, предельной отчужденности частного человека.

Сравнение текстов, явно связанных между собой, позволяет установить различие литературных позиций Пастернака и Бродского: младший поэт откликается голосу целой поэтической традиции и отстраняется от неё.

*«Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.*

*Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.*

14 BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodskogo. Tom I.* Sankt-Peterburg, 1997, c. 5–6.

15 BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodskogo. Tom I.* Sankt-Peterburg, 1997, c. 6.

16 VOLKOV, S.: *Dialogi s Iosifom Brodskim.* Moskva, 1998, c. 316.

*Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.*

*Под ней проталины чернеют
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее,
Слагаются стихи навзрыд»*

1912

Движение поэтической личности в пространстве природы и культуры обнаруживает особенное состояние мира благодаря собственному чувственному воодушевлению, это *со-бытие* совершается в определенности интеллектуального переживания и стихов, возвращающих миру цельность; чувственный надрыв «навзрыд» возводится благодаря поэтическому творчеству к переживанию конечной гармоничности открытого сущего.

Одиночество Бродского предельно, неизбежно, оно не «снимается» творчески:

*Как тюремный засов
разрешается звоном от бремени,
от калмыцких усов
над улыбкой прошедшего времени,
так в ночной темноте,
обнажая надежды беззубие,
по версте, по версте
отступает любовь от безумия.*

*И разинутый рот
до ушей раздвигая беспамятством,
как садок для щедрот
временным и пространственным пьяницам,
что в горящем доме
ухитряясь дрожать под заплатами
и уставясь во тьму,
заедают версту циферблатами, —
боль разлуки с тобой
вытесняет действительность равную
не печальной судьбой,
а простой Архимедовой правдою.*

*Через гордый язык,
 Хоронясь от законности с тщанием,
 От сердечных музык
 Пробираются память с молчанием
 В мой последний пенат
 — то ль слезинка, то ль веточка вербная
 — и тебе не понять,
 да и мне не расслышать, наверное:
 то ли вправду звенит тишина,
 Как на Стиксе уключина,
 То ли песня навзрыд сложена
 И посмертно заучена.*

1965

Вместо «сердечных музык», т. е. гармонического восполнения драматических обстоятельств жизни, по Пастернаку, поэзию наполняет «беззаконность» «памяти» и «молчания», т. е. частный характер переживания, которое невозможно разделить с кем-либо, идентифицировать с помощью «законодательствующего» языка в пространстве культурного существования индивидуума. Качество родства с миром невозможно определить: то ли это страдание («слезинка»), то ли знак одиночества, возможно, грядущего нового страдания с последующим возрождением (евангельская «веточка вербная»). Любовь «отступает от безумия», чувство охлаждается, но не избывается: «боль разлуки» с возлюбленной вытесняет равную себе «действительность», не замещает её романтической «печальной судьбой», а образует пустоту вместо судьбы — такова «простая Архимедова правда» утраты. Семантика речи, трудность синтаксиса стихотворения соответствуют необычности переживания. Возможно, так впервые в его самоопределении возникает предельность частного опыта, которую Бродский опасается, не хочет назвать прямо, чтобы не впасть в выпренность. Пустота — это смерть. Чувственное воодушевление поэзии — «песня навзрыд сложена» — не спасает от безысходности стигийской тишины-смерти. Последние две строки переводят речь в подчеркнуто будничным регистр в противоположность предыдущим. Перенятое у Пастернака сочетание слов становится пунктом «расподобления»: «жизнетворчеству» и самоутверждению поэтической личности противопоставляется парадоксальное отчуждение человека-поэта от собственной судьбы, чувство пустоты.

2

«Форма времени» — название собрания сочинений Бродского¹⁷. Бродский: «Все мои стихи, более или менее, об одной и той же вещи: о времени» (из интервью). В. Уфлянд подчёркивает: «Форма времени» — одно из определений жизни в стихах Бродского». Бродский писал, что для него «имеет значение лишь одно — это время и то, что оно делает с человеком»¹⁸. История принадлежит обществу, экономической формации, культурной эпохе, вечность — религиозности и метафизике. Согласно новейшим научным представлениям, объективного «времени вселенной» не существует¹⁹. Время — удел смертного, судьба частного человека. Время — это смерть, небытие.

«Система небытия» — так определяется сущее-экзистенция в стихотворении «Посвящение» (1987). Поэтическая мысль Бродского возвращается к непосредственному переживанию бытия. Хайдеггеровские идеи позволяют истолковать некоторые особенности литературной позиции Бродского. В понятиях философии Хайдеггера «личность как целое (в сущности непознаваемое)» противопоставляется «экзистенции человека»²⁰. В соответствии с этим у Бродского искусство — «это дух, ищущий плоть, но находящий слова»²¹, т. е. то, что стало словами, сущее («экзистенция») — меньше человека, его существования как целой личности.

В философии Хайдеггера человек не имеет сущности. «Его сущность не нечто самостоятельное, а нечто, стоящее вне самого себя, экзистенция, задача которой — быть покорной бытию, чтобы подготовить ему (бытию) ограниченное и недостаточное, но исторически необходимое и требуемое место и дать возможность бытию прийти»²². Экзистенция не есть бытие, и Бродский, словно переформулируя Хайдеггера, называет сущее «системой небытия»:

17 BRODSKIJ, I. A.: *Forma vremena: Stihotvorenija, èsse, p'jesy. V 2-ch tt. T. 1. Stihotvorenija*. Minsk, 1992.

18 BRODSKIJ, I. A.: *Forma vremena: Stihotvorenija, èsse, p'jesy. V 2-ch tt. T. 1. Stihotvorenija*. Minsk, 1992, с. 11.

19 «*Vo vselennoj ne suščestvujet vremeni*». [online]. [cit. 12. 9. 2015]. <http://e-news.com.ua/show/273572.html>.

20 *Kratkaja filosofskaja ènciklopedija*. Moskva, 1994, с. 500.

21 BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodskogo. Tom V. Sankt-Peterburg*, 1999, с. 92.

22 *Kratkaja filosofskaja ènciklopedija*. Moskva, 1994, с. 500.

*Ни ты, читатель, ни ультрамарин
 за шторой, ни коричневая мебель,
 ни сдача с лучшей пачки балерин,
 ни лампы хищно вывернутый стебель
 — как уголь, данный шахтой на-гора,
 и железнодорожное крушение —
 к тому, что у меня из-под пера
 стремится, не имеет отношения.
 Ты для меня не существуешь; я
 в глазах твоих — кириллица, названья...
 Но сходство двух систем небытия
 сильнее, чем двух форм существованья.
 Листай меня поэтому — пока
 не грянет текст полуночного гимна.
 Ты — все или никто, и языка
 безадресная искренность взаимна.*

1987

В первых шести стихах символизируется полнота внешнего мира, «читатель» здесь определяется относительно репрезентативного перечня предметов, в широком смысле — овеществленности («ультрамарин за шторой» и «коричневая мебель», опредмеченные и опредмечивающие духовность, чувственность и рациональность, созидательная материальная деятельность и социальные катаклизмы — материальная обстановка «читателя»). Все приметы представляет собою тематизацию времени, сущего («экзистенции»), посредством которого обнаруживается бытие.

Благодаря поэзии, устремленной к бытию, сущее влечётся к творческому воплощению силою «того», что «из-под пера стремится». Предметность приходит в движение под действием *поэтического* — жизненной силы (витальности) целостной личности, подлинное существование которой неуловимо в предметности, его обозначающей. Эта обозначенность невыразимого и есть «система небытия». Ни «ты для меня не существуешь», читатель, погруженный в сущее, ни я — для тебя, ибо ты можешь иметь дело лишь с «кириллицей», «названьями», т. е. опять-таки с сущим. Это определенность невыразимости, которую только и способно — самое большее — обрести конечное существо, например, читатель, ищущий себя в поэте, ибо «сходство двух систем небытия / сильнее, чем двух форм существованья».

В «системе небытия», в пространстве сущего живой человек, не «окаменелость», всегда «меньше единицы», ибо его целостность, индивидуальная,

частная «форма существования», коренится в бытии, которое при-бывает языком-традицией и опосредованно присутствует в переживании поэта/читателя.

«...я не ставлю себя выше читателя — как, впрочем, и ниже»²³. «Сходство двух систем небытия» обеспечивает встречу поэта и читателя. Оба они могут пребывать в открытости языка бытию. Слова «Ты все или никто — и языка безадресная искренность взаимна» означают, что посредством языка бытие дано читателю — любому, всем, «искренне», — но к обретению нужно стремиться, искать его, ибо «взаимность» согревает лишь любящего и сочувствующего. Бытие приливает к жизни в частном обретении смысла традиции-языка. Для поэта таким обретением оказывается собственная речь, в которой отрицание и утверждение парадоксально не различаются, они встроены в слова о возможности пресуществления, торжества вечного в сущем. Иначе: в этих строках и стихотворении в целом торжествует не язык как безликость и всеобщий смысл, а речь поэта как средоточие противоречивого смысла, как его напряженность и, в конечном счете, утверждение разрушаемого временем единства мира: «безадресность» бесчеловечна, но «искренность взаимна»...

Следует отметить два иронических мотива, которые в значительной мере возвращают стихотворению теплоту, живость воодушевления, снимают напряженность и отчужденность поэтической мысли. В памяти советского читателя неизгладима строка с оборота обложки многих школьных тетрадей: «Кто был ничем, тот станет всем», — девиз революционного обновления жизни, по «Интернационалу» Эжена Потье. Текст «полуночного гимна» контрастен поэтическому откровению о человеке, по Бродскому-Хайдеггеру. С другой стороны, чуткая рифма внезапно придает финалу стихотворения оптимистическое звучание известнейшей советской песни (текст К. Ваншенкина):

*Так ликуй и вершишь
В трубных звуках весеннего гимна.
Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.*

Я. А. Гордин пишет: «Эта ошеломляющая парадоксальность поэзии Бродского, сочетание в ней несочетаемых, казалось бы, элементов, начиная с ранних его произведений... может привести в смятение не готовое к такому духовному напору сознание, и в то же время спровоцировать отбор читателем наиболее

23 VOLKOV, S.: *Dialogi s Iosifom Brodskim*. Moskva, 1998, с. 316.

простых текстов, которые в отрыве от текстов другого — трудного для быстрого восприятия — типа ни в коей мере не представляют подлинного Бродского²⁴.

Лирика Иосифа Бродского воплощает особенную познавательную (эпистемологическую) позицию, связанную с философией бытия М. Хайдеггера и экзистенциальной диалектикой поэзии русского модернизма. В целом русскую литературную традицию следует осмыслить как мета-диалектическое единство классической поэзии и неклассической художественной практики, модернизма, своеобразных «тезиса» и «антитезиса» литературного движения. Существование человека культуры открывается классикой в отнесенности к универсуму и заново утверждается, претворяется в поэзии модернизма как экзистенция человека в ситуации «бог мёртв». Тогда литературная позиция Иосифа Бродского может быть понята как своеобразный диалектический «синтез» и одновременно — указание пути выхода на простор языка, за пределы литературной определенности отдельной поэтической личности, однако... с помощью поэтического.

Литературная позиция Иосифа Бродского, на наш взгляд, уникальна и не предполагает последователей или возникновения особого течения, поэтической практики. Она не отчуждается от человека-поэта, не может породить продуктивной школы, — только эпигонов. В плане систематики литературная позиция Иосифа Бродского может быть понята как подлинное завершение русской поэтической традиции, обретающей с его творчеством определенность и энергию грядущего развития.

Библиография:

- BRODSKIJ, I.: *Sočinenija Iosifa Brodskogo*. Tom I. Sankt-Peterburg, 1997; Tom V. Sankt-Peterburg, 1999.
- BRODSKIJ, I. A.: *Forma vremena: Stichotvorenija, èsse, p'jesy. V 2-ch tt. T. 1. Stichotvorenija*. Minsk, 1992.
- CVETAJEVA, M., PASTERNAK, B.: *Duši načinajut videt'. Pis'ma 1922–1936 godov*. Moskva, 2004.

24 GORDIN, Ja. A.: *Vstupitel'naja stat'ja*. In: Iosif Brodskij i mir. Metafizika. Antičnost'. Sovremennost'. Sankt-Peterburg, 2000, с. 5.

- GORDIN, Ja. A.: *Vstupitel'naja stat'ja*. In: Iosif Brodskij i mir. Metafizika. Antičnost'. Sovremennost'. Sankt-Peterburg, 2000.
- CHAJDEGGER, M.: *Gel'derlin i suščnost' poëzii*. Logos. 1991. № 1. S. 37–47.
- Kratkaja filosofskaja ènciklopedija*. Moskva, 1994.
- NICŠE, F.: *Filosofskaja proza: stichotvorenija: sbornik*. Minsk, 2000.
- PASTERNAK, B.: *Stichotvorenija i poëmy: V 2-ch t. T. 1*. Leningrad, 1990.
- SEDAKOVA, O.: *Končina Brodskogo*. «Literaturnoje obozrenije». № 3, 1996. S. 11–15. [online]. [cit. 12. 9. 2015]. <http://www.screen.ru/vadvad/Litoboz/os3.htm>.
- UFLJAND, V.: *Vstupitel'naja stat'ja*. In: Brodskij, I. A. Forma vremeni: stichotvorenija, èsse, p'esy. V 2-ch tt. T. 1. Stichotvorenija. Minsk, 1992. S. 6–12. «Vo vselennoj ne suščestvujet vremeni». [online]. [cit. 12. 9. 2015]. <http://e-news.com.ua/show/273572.html>.
- VOLKOV, S.: *Dialogi s Iosifom Brodskim*. Moskva, 1998.
- ZOTOV, S. N.: *Chudožestvenno prostranstvo — mir Lermontova*. Taganrog, 2001.
- ZOTOV, S. N.: *Poètičeskaja praktika ruskogo modernizma (osnovy èkzistencial'noj issledovatel'skoj praktiki)*. Učebnoje posobije. Taganrog, 2013.

Об авторе

Sergei Nikolaevich Zotov, Chekhov Taganrog Institut,
The Branche of Rostov State University of Economics, Department of Literature,
Taganrog, Russian Federation, kafilit@rambler.ru

